

LITERARY STUDIES

Казорина Анна Владимировна

доцент кафедры филологии и методики

Педагогического института федерального государственного
бюджетного общеобразовательного учреждения высшего образования
«Иркутский государственный университет», Российская Федерация

доцент кафедры рекламы и журналистики

Института экономики, управления и права федерального государственного
бюджетного общеобразовательного учреждения высшего образования
«Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
Российская Федерация

Кузовлева Дарья Сергеевна

студентка 5 курса

Педагогического института федерального государственного
бюджетного общеобразовательного учреждения высшего образования
«Иркутский государственный университет», Российская Федерация

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ «ПОЖАР» В. Г. РАСПУТИНА: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Изучение в данной работе характерных особенностей художественного пространства и времени в повести «Пожар В. Г. Распутина базируется на детальном исследовании хронотопических локусов в произведении, начиная с внешних характеристик (земные, включающие в себя водное пространство, дорожное, жилищное, небесные) и заканчивая внутренними (родная земля, категория понимания и осознания жизни, принятие её как целостной структуры со своими законами и устоями, которую хотят разрушить, изменить). Выявление особенностей поэтики повести и авторской концепции действительности. Образ края как центрального хронотопа, характеризующегося метафизическим содержанием. Амбивалентность локусов как структурообразующая повести. Противопоставление людей, живущих в деревне (умеющие сострадать) и в

городе (живущие без законов, правил, безразличных к делу). Измерение уклада жизни главным героем сферой шоферских понятий и категориями. Сопоставление топографического, метафизического и психологического хронотопа в повести «Пожар».

Ключевые слова: хронотоп, локус, земные локусы, небесные локусы, время, суточность, сезонность, место, пространство, метафизическое пространство, родина, родная земля, земля, мифопоэтическое пространство Распутин, деревня, город, архаровцы, противопоставление, амбивалентность, образ края, пожар, душа, беспорядок, память, чувство, шоферские категории, правила, законы.

Творчество В.Г. Распутина в последние десятилетия является объектом пристального внимания в филологической науке. Интерес к прозе сибирского писателя не угасает и сегодня. Предметом исследования в литературоведении часто являются круг социальных проблем, представленный в произведениях В. Г. Распутина, нравственно-философские искания писателя, особенности поэтики и стиля и др. Практически сразу после публикации первых книг писателя в литературоведении обозначился вопрос о художественном времени в повестях и рассказах В. Г. Распутина. По мнению ряда исследователей, принципы и способы создания хронотопа в его прозе обусловлены становлением историзма художественного метода, формированием авторской концепции времени (Б. М. Юдалевич, Ю. А. Дворяшин, Н. С. Тендитник, И. И. Плеханова и др.).

В связи с этим художественное время и пространство в прозе В.Г. Распутина становится актуальной проблемой в современном литературоведении. Хронотоп в повестях и рассказах писателя исследуется в разных аспектах: этнопоэтическом (О.Ю. Юрьева), метафизическом (Степанова В.А.), психологическом (Сигов В.К.) и др. Однако в центре внимания чаще всего оказываются повести «Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Последний срок» и рассказы писателя. Повесть «Пожар», написанная в 1985 году и воспринимаемая как продолжение повести «Прощание с Матерой», становится своеобразным итогом творческих размышлений автора о духовном кризисе Советской России. Таким образом, новизну заявленного исследования определяет выбранное для анализа

произведение, хронотоп которого до сих пор комплексно не изучен в литературоведении.

Цель статьи – рассмотреть художественные пространство и время в повести «Пожар» и выявить особенности поэтики повести и авторской концепции действительности.

В повести «Пожар» пространственно-временная модель мира определяется земными и небесными локусами (дорога, река, лес, облака, тучи); времени – сезонность (весна, март), суточность (ночь, утро), прошлое (когда-то); люди – предки, потомки; жизнь-смерть. Ключевым образом хронотопа в произведении становится образ края, имеющий не только временные и топографические координаты, но и наполненный метафизическим содержанием. Эта амбивалентность локусов становится в повести структурообразующей. Так, например, край связан не только с бездной, смертью и могилой, но этот же образ края соединяется с представлениями о границе, требующей защиты: во время пожара главный герой Иван Петрович с односельчанином Афоней работают с двух сторон, с краю, на границе с огнем, спасая добро.

Образ края как земной райской жизни появляется в описании поселка Сырники близ Харабаровска, в котором живет сын Ивана Петровича. Богатый красивый поселок, где сохранились изначальные законы человеческого общежития (выращивание садов, доброжелательные люди, взаимопомощь и поддержка), противопоставлен сибирской Сосновке, построенной как временное пристанище для жителей деревень, затопленных гидроэлектростанцией. Сосновка не укоренена в мире и природе: это поселок леспромхоза, жизнь которого зависит от скорости вырубki тайги. Эта кочевническая модель жизни, чуждая душе русского человека, становится страшной нормой: большинство жителей Сосновки приспособилось к новым законам (*«И когда грянула весть о затоплении, когда подошел срок переезжать... признаться, Иван Петрович расставался с Егоровкой тяжело, не без этого, как всякий человек, имеющий память и сердце, и в то же время*

с тайным удовлетворением, что не он решал, а за него решилось, перевозил и ставил на новом месте он свою избу: там было хорошо, а здесь с годами должно быть лучше. Своими силенками Егоровке на ноги, похоже, никогда бы не подняться» [с.314-315], «...они научились принимать это как положенное, как те же три пачки чая, выдаваемых бесплатно профсоюзом» [с. 328], «Ты тогда водку на гору за свои деньги не возил за-ради плана» [с. 329], «Без плана, видишь, не живем...» [с. 329], «... уж кто-кто, а он, съевший не одну собаку не одной породы на плане, жизнь свою отдавший плану, среди ночи просыпающийся, когда доводилось спать, от страха за план, как чумы, боящийся последних чисел месяца, когда в такой сложной технологии, какая и не снилась пшенице, вызревал план – уже он-то знал, что дело это не только хитрое, но и требующее много чего сверх всякой хитрости...» [с. 329]), в поселке появились архаровцы, приезжие люди, охотники до легких денег, не желающие работать, без закона и правды живущие.

Новому разрушительному закону пытаются противостоять немногие жители Сосновки: главный герой Иван Петрович Егоров, лесничий Андрей Солодов, Афоня Бронников, Миша Хампо. Они, по мнению большинства, «мутят воду»: этот фразеологизм, несколько раз повторяющийся в повести, отражает систему перевернутых жизненных ценностей кочевой, неукоренной жизни архаровцев. Главный герой много размышляет о категориях добра и зла, противопоставляя прошлое настоящему: «*Что затем произошло, понять нельзя. Кто напугал их, уже переступивших черту и вкусивших добра, почему они повернули назад? Не сразу и не валом, но повернули. Движение через черту делалось двусторонним, люди принялись прогуливаться туда и обратно, по-приятельски пристраиваясь то к одной компании, то к другой, и растерли, затоптали разделяющую границу. Добро и зло перемешались. Добро в чистом виде превратилось в слабость, зло – в силу» [с. 369]. Понимание хорошего человека тоже изменилось: если раньше, с горечью сопоставляет Егоров, хорошим считался человек, умеющий сострадать и сочувствовать, то теперь хороший человек тот, который никому не мешает, не мутит воду. Праведничество немногих наталкивается на глухую стену непонимания со*

стороны и архаровцев, и своих же сосновцев: у лесничего сожгли баню и убили лошадь, единственную на весь поселок помощницу в период весенней вспашки, у Ивана Петровича разворотили палисадник, Миша Хампо гибнет в финале повести, пытаюсь спасти склад от разграбления архаровцами.

Жизнь Сосновки, неправильная, *«... жизнь, как и везде, из целого числа превращалась в дробь с числителем и знаменателем, где непросто разобраться, что над чертой и что под чертой, и тут бы потихоньку раскочегарилось, раз такое одно на всех нынче время»* [с. 314], противопоставляется не только идеальному общежитию Сырников в Храбаровском крае, но и навсегда ушедшей под воду жизни Егоровки, родного поселка многих сосновцев, в том числе и Ивана Петровича. Герой много размышляет о том, чем для него была Егоровка: после войны, вернувшись с фронта осенью 1946 года, Иван Петрович долго привыкал к мирной жизни. Это противопоставление военного времени и послевоенного становится мерилom нравственности в повести: так, например, герой вспоминает статистику местного учителя, который посчитал, сколько человек в поселке умерло за последние четыре года. Выяснилось, что поселок потерял столько же, сколько в войну. Однако смерти эти в мирное время дурные, в отличие от фронтовых смертей, которые объединяли выживших, раскрывали уцелевшим смысл жизни.

После войны в Егоровке герой затосковал, хотел бросить печальную деревню, требующую труда и времени для восстановления. Но удержали Ангара, тайга, жена Алена, машина и работа. Всю свою жизнь шофер Егоров меряет шоферскими понятиями и категориями: решение остаться в Егоровке он воспринимает как *«... сворот на нынешнее раздольное житье-бытье», «пошло-поехало как у всех: дети, работа, медленный и осторожный сворот на жизнь полегче и повеселей»* [с. 321]. Этот «сворот», по мнению Ивана Петровича, уберег его от лукавого, который увел брата Гришку в город, где тот спился. Пространство города, появляющееся в повести, – это дьявольское и разрушительное пространство. Сила, приходящая из города, - архаровцы –

тоже дьявольская и разрушительная. Поездка к детям Егорова с женой только укрепила героя в этом убеждении: дочь, живущая в Иркутске, в областном центре надорвалась, таская на девятый этаж вещи при переезде. Иван Петрович не смог принять «... и рад был уехать подальше от этих вызверяющих граждан городских удобств» [с. 347]. Жизнь в Егоровке, на родной земле, дала герою понимание, что для человека самым важным является: «каждому на своем заданном месте держаться правильного направления, а не кривить без пути и не завязывать его в узлы неопределенно-искательными перебежками» [с. 313].

Однако все нарушается строительством плотины: Егоровка затоплена, Сосновка невыносима своим беспорядком, неприютностью. Герой после поездки к сыну находится на перепутье: желание бросить Сосновку борется в нем с ответственностью перед землей, на которой столько лет прожил. Иван Петрович размышляет о том, что за триста лет существования Егоровки «чудес и кудес» в жизни людей не было: деревня жила размеренной и упорядоченной жизнью. Зато Сосновка за двадцать лет своего существования поражает чудачествами постоянно. Герой воспринимает сосновскую жизнь как абсурд, бессмысленность, источником которого становится поведение сезонников, архаровцев. Эти отверженные, безразличные к делу люди, отбывают жизнь как наказание. Егоров вспоминает текст телеграмм, которые архаровцы шлют из Сосновки по всей стране: «Третий день дождь, что делать?», «За ноябрем декабрь, не перепутай», «Не жди меня, но я вернусь» [с. 326]. В этих текстах потерянности сезонников во времени, она воспринимается трагикомически и демонстрирует абсурдность их жизни.

Разговор с Бронниковым об отъезде обнажил главную трагедию и тех, кто пытается жить праведно в этом в разваливающемся, расшатанном мире: Егоров хотел услышать от Бронникова свои собственные мысли, что родная земля – это не место на карте, а чувство, живущее в душе, поэтому отъезд значения не имеет «Думал, скажет Афоня: в нас она, в нас. Думал, начнет говорить, что уедем мы отсюда - и будто не было ее, Егоровки нашей,

никогда, а пока здесь - и память о ней живет. Потому что и сам так же рассуждал» [с. 372], но Афоня не понимает Егорова, он неожиданно делится своими планами поставить памятник на реке в том месте, где раньше была родная деревня. Для Егорова это бессмысленный поступок, игрушка. В мире с расшатавшимися основами люди перестают понимать и слышать друг друга.

Топографический и метафизический хронотоп в произведении противопоставлен психологическому. В центре произведения пространственно-временная организация внутреннего мира главного героя – Ивана Петровича Егорова, пытающегося противопоставить внешнему разрушению представление о норме, опоре человеческой жизни. Так, например, образ края обозначен в начале повести через ощущения Ивана Петровича Егорова, который осознает, что силы у него на исходе. Эта усталость и подавленность героя связаны не столько с его психологическим состоянием, сколько с экзистенциальным осознанием жизни, достигшей значимого рубежа, пограничной ситуации. Последняя неделя Ивана Петровича и привычная дорога от гаража до дома кажутся ему невыносимо бесконечными и обозначают край, окончание одного периода жизни и страх перед новым. Эти трагические ощущения Ивана Петровича связаны с решением уволиться и уехать из Сосновки на Дальний восток, к сыну. Сознание героя, близкое родовому сознанию, воспринимает предстоящий разрыв с местом, где прожил жизнь, как смерть. Дорогу от гаража домой Иван Петрович преодолевает, себя не помня. Эта потеря памяти – еще одно свидетельство разрыва с родной землей. По дороге домой герой мечтает о долгой ночи без меры и порядка, чтобы «отдохнуть, опамятоваться и протрезветь». Дома герой ложится в сених на лежанке. Распутин пишет: «Ничего не хотелось, как в могиле». Слова «март» и «смерть» для героя становятся созвучными. Эти ассоциативные связи бессознательно сближают представления героя о времени с мифологическими древними представлениями о весне как начале нового года и новой жизни, точке, в которой встречаются конец и начало. Случившийся в поселке пожар и

бессонная ночь борьбы с огнем и стали испытанием, вернувшем герою утраченный смысл жизни. В последние минуты пожара Иван Петрович поднимает глаза к горе и видит, что *«темь сыреет»*. Среди крика, свиста, треска и шума герой видит, как пламя распарывало небо. В этом образе почти демонический бунт, который проецируется на жизнь человека: люди с архаровскими законами замахнулись на установленный веками распорядок человеческого общежития. Этот конфликт и есть настоящий пожар, уничтожающий накопленные веками ценности. Финальный диалог Ивана Петровича с Бронниковым:

« - Что будем делать, Афанасий? Ты знаешь, что теперь делать, нет?

– Жить будем, - морщась то ли от потревоженных ран, то ли от потревоженной души, сказал Афоня.

– Тяжелое это дело, Иван Петрович, - жить на свете, а все равно... все равно надо жить.

И тоже спросил, отхлебнув из кружки:

– А ты что решил делать?

– Будем жить, - только и переставив те же самые слова другим порядком, ответил Иван Петрович» [с. 380].

Отражает стоицизм тех, кто признал и принял новый порядок человеческой жизни, но мириться с этим порядком не собирается, потому что *«не годится жить, соглашаясь с правдой лишь наполовину или отказываясь от нее вовсе» [с. 339].*

Образ пространства в начале повести связан с образами ранней весны: мокрым снегом, ручейками, половодьем. Это описание поселка, полное беспорядка, противопоставлено образу Ангары-реки, с твердым берегом, еще белым и чистым, проглядывавшим в *«загустевших чистой синью бархатных сумерках»*. Ангара – традиционный для Распутина образ реки-времени в повести *«Пожар»* реализует представления писателя о незамутненном течении природной жизни, противопоставленной человеческому существованию. Но река эта сейчас еще замерзшая, недвижимая. Ее присутствие никак не помогает людям: Ангара рядом, а воды, чтобы тушить пожар нет.

Чистота и незамутненность реки противопоставлена образу неуютного поселка, в котором улица смотрит в окна, потому что дома стоят без палисадников, своеобразной защиты человеческого жилья от неуютного мира. У Ивана Петровича палисадник был, но его сломали. Пристальное внимание автора к описанию дома поясняется размышлениями героя о жизни, которая держится домом, работой, людьми и землей. Эти четыре опоры идеального человеческого общежития в повести изображаются разрушающимися. Осознание этого разрушения заставляет героя принять непростое решение покинуть Сосновку. Ночь борьбы с огнем заставила героя по-другому взглянуть на мир родного края: Иван Петрович видит землю весной, гору, лес, кладбище. Далек и чисто. А дальше: небо, поле, Ангара, солнце, лес, берег, снег, речной простор. *«Тихая, печальная и притаенная, будто и она страдала от ночного несчастья, лежала в рыхлом снегу земля. От горы открытым полем она полого соскальзывала вниз и за редкими сосенками переходила в лед. По горе стоял лес, из него выдвигались в поле две темные пустошки, лес чернел и впереди, куда шел от поселка Иван Петрович, но там и совсем редью, за которой начинался залив. На притыке к первой пустошке, тесня ее от дороги, положено было кладбище, куда отдавать на днях отстрадававшегося егоровского мужика и потерявшего имя безвестного горемыку. Они, люди живые, отрядят, кого куда опустить, но ей, земле, решать, ей, вынашивающей правых и виноватых, своих и чужих, собственным постановом судить, что потом из кого выйдет»* [с. 380-381].

Распахнувшееся пространство обозначает и открытое будущее. Герой чувствует в финале повести, что его вынесло на верную дорогу, он ощущает единение с природой: «стучал дятел по сухой лесине, но не дятел это стучал, а благодарно и торопливо отзывалось чему-то сердце». Так начало повести противопоставляется ее финалу: ощущение края жизни, ее бездны в конце повести сменяется образами неба и простора.

Художественное время и пространство в повести «Пожар» отражают

авторское понимание законов морали и нравственности, которые в тексте Распутина противопоставлены законам природы, в согласии с которой должен жить человек.

Список литературы:

1. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой. Пожар. – М.: Изд-во АСТ, 2021. – 384 с.
2. Юрьева О. Ю. Хронотоп повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой»: этнопоэтический аспект // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 294